

Владас Повилайтис
(Калининград)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ Г. А. ЛАНДАУ

Григорий Адольфович Ландау (1877–1941) даже для богатой талантами русской эмиграции был человеком удивительным. Нельзя сказать, что его биография известна нам досконально, однако благодаря воспоминаниям¹ и ряду современных исследований² мы имеем довольно полное представление об основных этапах жизни мыслителя. Родился Ландау в обеспеченной еврейской семье. В. Гессен указывает, что отец будущего философа Адольф Ефимович был купцом второй гильдии, издавал журнал «Восход» и владел небольшой типографией. С 1906 года Ландау активно занялся политической и культурно-просветительской деятельностью. По по-

¹ Современниками о Ландау написано не так много, и это при том, что отдельные деятели эмиграции (к примеру, П. Струве) оценили его высоко. Наиболее известны небольшие, но написанные с большим чувством воспоминания о философе, принадлежащие Ф. Степуну, и ставшая популярной с подачи Р. Гуля история-анекдот «об ответственном еврее»: «В еврейско-русских кругах нашумел доклад выдающегося мыслителя и писателя... Григория Ландау – "Россия и русское еврейство". Помню, после этого доклада в "Петрополисе" Я. Н. Блох мне, смеясь, сказал: "Знаете, как теперь называется Григорий Ландау?" – "Как?" – "Ответственный еврей!" – "Почему?" – "Да ведь он же считает евреев в большой мере ответственными за революцию..."»

² Особо отметим статьи, в которых не только уточнены обстоятельства жизни и смерти Ландау, но и исправлены фактические ошибки, допущенные Степуну и Гулем [1; 2].

литическим убеждениям он был кадетом. Еще до революции Ландау опубликовал статью «Сумерки Европы», сделавшую его довольно известным¹. Уже в эмиграции эта статья стала введением к одноименной книге [3] — самому значительному сочинению философа. Почти двадцать лет (1919—1938) он прожил в Германии, после чего перебрался в Латвию. В 1940 году был арестован советскими властями и погиб в лагере в 1941 году. Похоронен около поселка Сурмог недалеко от Соликамска.

В мемуарной литературе о Ландау чаще всего вспоминают в связи с его *афоризмами*. Нередко его называют *русским Шпенглером*, одиноким мыслителем, опередившим время². Во многом так оно и было, однако рисовать *философский* портрет только этими двумя красками не следует, и вот почему.

Конечно, Ландау имел вкус к парадоксальному мышлению и обладал способностью видеть обычные вещи в неожиданном свете: поражает его умение простой перестановкой акцентов обновить какой-нибудь изрядно подзабытый философский сюжет, дать ему вторую жизнь. Человек исключительно ясного ума, он тонко чувствовал русский язык — для многих и сегодня Ландау в первую очередь автор острых и точных афоризмов, которые и в России, еще до революции, и в эмиграции имели самое широкое хождение³. Собранные вместе (книга «Эпиграфы» [4] была опубликована в Берлине в 1927 году), они

¹ А. В. Липский, к примеру, указывает на то, что П. Сорокин познакомился с этой статьей во время подготовки к магистерскому экзамену и позже частично заимствовал ее название для одной из своих публичных лекций [6, с. 159].

² Мысль о том, что Ландау опередил О. Шпенглера, есть и у Гуля, и у Степуна. Кроме того, именно Степун одним из первых со всем свойственным ему литературным талантом сказал о незаслуженном забвении этого имени, о злой, несправедливой судьбе, постигшей Ландау: «...природа наделила Григория Адольфовича блестящими дарованиями, но жизнь жестоко насмеялась над его даровитостью: то небольшое, что он написал, мало до кого дошло и мало на кого произвело впечатление» [5, с. 148].

³ О том, что афоризмы составили Ландау довольно большую известность, можно судить и по упоминаниям в мемуаристике (к примеру, в «Нездешнем вечере» об одном из его выступлений вспоминает Марина Цветаева), и по тому, что многие из них действительно вошли в жизнь и приписывались куда более известным авторам (от Осипа Мандельштама до Зинаиды Гиппиус).

надолго закрепили за автором репутацию мастера короткой хлесткой фразы. Как говорил сам Ландау, «афоризм — это все то, что в конце концов остается от мыслителя, если от него что-нибудь остается». Но афоризм не просто краток — он фрагментарен; соблазняя читателя, побуждая его к самостоятельному мышлению, он в большей степени принадлежит литературе. Для философии здесь слишком многое вынесено за скобки. Вот почему философу было ясно и другое: «...в сборнике афоризмов, пожалуй, и можно выжать сок человеческой мысли; но сок вовсе и не составляет наиболее драгоценной ее части».

К вопросу о *русском Шпенглере*. Высокие оценки, которых удостоиваются работы Ландау, нередко выставлялись теми, кто, рискуя предположить, был мало знаком с их содержанием. К примеру Р. Гуль, называя Ландау выдающимся мыслителем, утверждает, что его книга «Сумерки Европы» была написана раньше книги Шпенглера и только революция помешала опубликовать ее в России. В действительности же сам Ландау в предисловии указывает, что над книгой он работал урывками, на протяжении восьми лет, в том числе и в эмиграции. Кроме того, значительная часть труда посвящена обсуждению итогов уже завершившейся мировой войны. Складывается ощущение, что эмиграция скорее слышала о Ландау, чем читала его. Загипнотизированное сходством названий русское зарубежье словно «зацикливается» на этом совпадении, причем иногда кажется, что сам автор этому подыгрывает (вспомним кокетливое утверждение Ландау, что назвать свою книгу 1923 года так же, как и статью 1914, он не просто имеет право, но и *обязан* [3, с. 5]). Но что же было в реальности? Статья действительно содержит интонации и идеи, развитые позже в отдельной книге, — связь здесь очевидна. Однако следует признать, что в статье нет даже эскиза философии или теории культуры — есть лишь настроение. Все это появляется только в книге, где Шпенглер, кстати, довольно часто и с большим уважением цитируется. Но шпенглеровский мотив настолько заворожил публику, что осталось незамеченным главное: несмотря на все переклички и возможные заимствования, Ландау создал оригинальную работу, которая ставила и решала свои собственные задачи.

Дадим краткое описание этого сочинения. Книге предпослано небольшое *предисловие* (с. 5–8), в котором автор пытается объяснить, почему работа получила именно такое название, а также кратко говорит об истории ее создания. В качестве *введения* (с. 9–40) он использует ту

самую статью 1914 года «Сумерки Европы», которая воспроизведена без изменений и дополнений. Ландау поступает так, чтобы придать больше веса своим новым текстам: ему кажется, что его удавшееся предсказание однозначно свидетельствует об истинности тех установок, которыми он руководствовался в собственных рассуждениях. Поэтому если из этих установок сделать верные выводы, то истинность нового, развернутого объяснения будет неоспорима. Отметим сразу, что это хрупкая конструкция, и дело даже не в том, что и из ложных оснований можно сделать истинный вывод. Статья Ландау не научный прогноз, а скорее пророчество, яркое и эмоциональное. Она — *настроение*, из которого невозможно вывести *систему*.

Основная часть работы состоит из трех отделов, каждый из которых имеет более дробную структуру. *Отдел I «Разрушительная идея»* (с. 41–170) посвящен анализу тех мировоззренческих установок, последовательное и настойчивое развертывание которых, по мнению мыслителя, и привело к мировой войне. *Отдел II «Искаженное строение»* (с. 171–298) представляет собой попытку интерпретации политико-социальных последствий мировой войны: Ландау показывает механизм, который позволил набору отвлеченных идей почти до основания разрушить вполне конкретный мир. В этой части он рассуждает о военно-политических итогах войны для основных ее участников и Европы в целом. *Отдел III «Новоевропейская культура»* (с. 299–367) наиболее интересен с философской точки зрения. В этой части Ландау подробно обсуждает вопросы философии истории и культуры. И завершается книга *эпилогом* (с. 368–372).

Особенность позиции Ландау заключается в том, что, отстаивая органический подход к пониманию культуры, он своей работой нарушает определенную традицию в русской историософии. По сути, право на пользование органической установкой было в значительной мере узурпировано сторонниками русского почвенничества и представителями радикального антизападничества. Заданная А. Хомяковым, детализированная Н. Данилевским и К. Леонтьевым позиция, согласно которой характерные черты западной культуры XIX века есть одновременно проявления ее слабости и болезненности, была в ходу и среди эмиграции (евразийцы здесь, видимо, самый яркий, но далеко не единственный пример). Поставив под сомнение обоснованность подобного историософского уравнения, Ландау использует органиче-

ский подход как методологию для своих построений, которые по существу являются апологией Запада.

Ландау в своем определении культуры ослабляет *национальный* мотив, благодаря чему и появляется возможность говорить о Европе как о *незыблемо спаянном единстве, обладающем глубинным своеобразием*. Это единство, по его мнению, сыграло в истории огромную роль: «...во всякую эпоху живет человек в какой-нибудь культуре, но законченные мощные образования, целостные непреходящие синтезы не часты в истории, и одним из немногих была новая культура Западной Европы — культура самодовлеющей человечности» [3, с. 16].

Но почему Ландау видит расцвет там, где его оппоненты традиционно обнаруживают деградацию и упадок? Дело в принципах, которые лежат в основе оценок, — нередко западной культуре вменяется в вину внутренняя противоречивость, из чего делается вывод о ее неполноценности. Но *культура* для Ландау категория *историческая* [Там же, с. 39]. Видимо, философ прав, когда утверждает, что всякая культура живет противоречиями и в борьбе раскрывает свою сущность: «...как на шершавой грифельной доске, — только расплыясь от сопротивления, мелок истории оставляет письма человеческих деяний»¹.

При этом мыслитель был одним из тех, кто не только осознавал неизбежность процессов глобализации, но и приветствовал их. Так, одно из принципиальных расхождений Ландау с евразийцами — вопрос о возможности и необходимости культурно-экономической автаркии. Идеи относительно замкнутых геокультурных миров он противопоставляет ожидание нового этапа истории — единого мира, соединенного в *целое* силой науки и техники. Но, несмотря на исключительно высокую оценку европейской культуры, философ не склонен списывать торжество Запада в XIX веке на некую имманентную самой истории неизбежность: для него становление культуры (в том числе и европейской) есть сложный и в значительной мере непредсказуемый процесс; в культуре себя проявляет дух, и потому она немислима без *свободы, творчества, риска*. И это значит, что ее развитию на любом

¹ Вот почему Ландау считает, что «ни формально логический критерий непротиворечия, ни эстетический критерий внутренне самодовлеющей гармоничности — не предъявимы культуре в ее целом. Ее мерила иные: как в ней жил человек; создан ли ею своеобразно-цельный и самодовлеюще-полный тип человека, синтез общежития, система хотя бы и сталкивающихся запросов и деятельностей; сотворены ли ею ценности, незаменимые и неотъемлемые для всякой грядущей возможной культуры?» [3, с. 17].

этапе угрожает *срыв*. Собственно, таким срывом и стала Первая мировая война, и книга в значительной степени была посвящена выяснению соотношения *случая* и *закономерности* в этих процессах. Его интересует: было ли разрушение довоенной Европы гибелью *достойного жить* или – *достойного умереть*?

Обсуждение этого вопроса, интересное само по себе, требует пояснения и целого ряда чисто историософских тем – и в первую очередь принципов и механизмов, определяющих становление культуры в истории. Выше упоминалось, что Ландау в решении этих вопросов использует органическую модель культуры. Однако принятому им пониманию органичности свойствен *антибиологизм*, на что в тексте указывает и сам автор¹. Культурный организм он определяет как *самодовлеюще функционирующую из себя, в себя и для себя* целостность частей, а само *функционирование*, взятое в широком смысле, отождествляет с *жизнью*. Отметим, что в этой *функциональности* – еще одно значимое отличие построений мыслителя от религиозно-философской традиции русской мысли, для которой жизнь *субстанциальна*.

Выводы, которые делает Ландау на основе органически-функционального подхода, следующие: сложная структура организма, дифференцирование функций приводит к тому, что культурный организм занимается *согласованием внутренних противодействий*. В истории мы имеем дело с воплощением этого процесса в доступных для данной эпохи формах человеческой активности. Но *имманентная противоречивость* является не единственной особенностью рассматриваемого структурно-функционально организма – борьба, гармонизируемая в синтезе целостности, требует *сверхнапряжения функций*: «...функция может удержать нужный для себя простор против соревнования и давления других, если она напряжена на большее, чем сколько ей нужно. Только будучи сверхнапряжена, она удержит против чужих напряжений свою долю в общеорганической жизни» [Там же, с. 319]. Вот почему *сверхнапряженность* частей является для Ландау конститутивным признаком любого организма, и следовательно – *любой культуры*.

Но из этого вытекает, что организму свойственна конечная нестабильность, поскольку «органическая устойчивость есть результат вза-

¹ См., например: «...под организмом и органичностью в широком смысле слова я отнюдь не подразумеваю специфически биологического понятия, и потому – хотя и распространяю его, напр., на общество и др., но нисколько не придерживаюсь биологически-органической его теории» [3, с. 314].

имного ограничения и противодействия сил взаимно сверхнапряженных» [Там же, с. 320]. В своем развитии эта идея ставит рамки использованию в историческом объяснении принципов классического детерминизма, который исходит из идеи соразмерности *причины и следствия* и из убеждения в существовании между ними жесткой связи, однозначной зависимости, позволяющей из *второго* выводить *первое*. Однако совершаемое Ландау отождествление *неустойчивости с непредсказуемостью и свободой* рушит целостность детерминационной цепи, поскольку между причиной и следствием, которые в природе неразрывно связаны, в обществе, истории, культуре вклинивается самодовлеющий субъект — перед нами скорее *вызов*, на который нужно *ответить*. Таким образом Ландау обосновывает наличие у субъекта свободы особенностью его структуры.

Для Ландау гибель культурного организма — не следствие его внешней слабости, а проявление внутренней силы. Он исходит из того, что расцвету организма должна соответствовать предельно интегрированная и функционально дифференцированная структура, однако именно в такой неустойчивой и предельно связанной системе сбой одной функции способен спровоцировать общий коллапс. И напротив, чем менее связан организм, чем менее он *органичен*, тем больше у него шансов безболезненно пережить те неразрешимые конфликты, которые присущи самой жизни¹. По существу, мы имеем дело с утверждением имманентности трагического самой природе истории, однако обосновывается этот тезис не религиозно, не эстетически, а функционально, что для философии русского зарубежья действительно необычно².

Одним из ярких проявлений упоминавшейся выше имманентной противоречивости для Ландау является конфликт *духовного и физического*. Признавая автономность этих начал, он утверждает, что «соот-

¹ Дело в том, что «в расплывчатой и малосодержательной культуре менее определена органическая жизнь целого и менее значительна численность и настоятельность сталкивающихся функций; в цельной, богатой культуре наоборот — и функций, приходящих в противоречие, больше, и более они настоятельны, и вместе с тем большая связность единства целого представляет большую опасность распада» [3, с. 329].

² Для Ландау «как противоречие есть основополагающая форма органической жизни, так неудовлетворяемость есть основной ее закон» [Там же, с. 327]. Используя эти принципы для анализа культуры, философ вынужден сделать вывод о ее *трагически неизбежной противоречивости*.

ношения духовных содержаний не подчинены реальным соотношениям вещей. И потому, сколько бы ни предполагать взаимодействия между духом и телом, каждая из этих сфер располагается по своим независимым линиям и тем самым уже предопределен неизбежный конфликт между ними. Столь же предопределен конфликт и между разными областями духа» [Там же, с. 325]. На этом основании Ландау делает организующий его теоретические построения вывод о «многолинейности духовной сферы по сравнению с однолинейностью действительности».

Определяя культуру как «состояние подвижного равновесия и динамического претворения противоречивых и согласуемых в органическом единстве сил», философ предлагает свои принципы ее типологизации¹. Он пишет о двух группах культур: «таких, в которых преобладает сверхнапряженность частичных функций, и таких, в которых преобладает центральная функция объединения и сохранения целого» [Там же, с. 330]. На первый взгляд кажется, что Ландау имеет в виду *органические* и *критические* стадии культурного развития и большой оригинальности здесь нет. Однако речь здесь о другом: традиционно указанные стадии *либо* рассматривают в качестве этапов исторического становления одной культуры, *либо* считают некими вневременными и универсальными культурными типами, причем лишь один из них (чаще всего *органический*) признается подлинно *бытийственным*. Особенность позиции Ландау в том и состоит, что он ни хронологически, ни онтологически ни одну из этих стадий не выделяет. Для него *органическая* и *критическая* стадии в равной степени органичны, и потому каждая из них обладает самостоятельной творческой силой и имеет свои особые формы разложения. В итоге он делает следующий вывод: «...культуры обоих подразделений суть положительные состояния культурной жизненности и различаются тем, что в одном ("критическом") преобладает осуществление сверхнапряженных функций, а в другом ("органическом"), наоборот, — преодоление их центральным противодействием. <...> Первые живут под знаком творчества и сво-

¹ Понимаемую таким образом культуру не свести только к национальному началу, религии или особенностям среды — она есть «культурно-исторический более или менее целостный синтез, хотя бы по своему человеческому субстрату и географической среде он не был всецело отделен от всех других культурных синтезов, а являлся в преемственной смене стадий лишь стадией, выросшей из другой и в третью имеющей перейти» [3, с. 330].

боды, вторые под знаком верности и солидарности; первые — под знаком производительности и изобилия, вторые — под знаком самоограничения и законченности. <...> Первые распыляются или взрываются, вторые — костенеют» [Там же, с. 331–332].

Другими факторами, которые наряду со структурой определяют ход культурной истории, являются витальные ресурсы культуры (ее способность к длительному *волевому напряжению*) и некий исходный, лежащий в самом ее основании, *философский мотив*, который находится в *предустановленной связи с психикой*, хотя и не связан с ней однозначно. Для Ландау характерно убеждение, что в истории могут оставить след лишь культуры, различные аспекты которых связаны единством этого основополагающего мотива¹.

В своей работе Ландау упоминает о трех основных мотивах, которые способны к порождению оригинальных и внутренне целостных культурных мирозерцаний, — *формальном, субстанциальном и комплексном*. Для формального мотива, яркими представителями которого были Платон и Аристотель, характерно восприятие предметов в качестве воплощенных форм. Субстанциальному подходу (примеры — Бруно и Спиноза) свойственно видеть в единичном реализованную потенцию. Комплексный мотив, в свою очередь, «предполагает восприятие, понимание, созерцание предметов, явлений и содержаний в их составленности из частей» [Там же, с. 342]. Применяя изложенные выше идеи к европейскому материалу, Ландау называет *комплексный мотив* основой западной культуры², завершая построение собственной философии истории и культуры. Мыслитель создал своеобразную, отчасти противоречивую, но действительно интересную модель, изучение которой, бесспорно, должно быть учтено при рассмотрении духовной жизни русского зарубежья.

¹ По существу, Ландау исходит из позиции культурного холизма, когда утверждает, что «в основу разных мирозерцаний ложатся и разные философские мотивы, определяющие каждую целую совокупность производных от него понятий, идей, созерцаний не одного только чисто философского значения, но и характера научного и технического, религиозного и художественного» [3, с. 341].

² Ландау отмечает две черты, характерные для комплексного мотива, которые и породили европейскую культуру в ее нынешнем виде. Это *глубинный реализм* и *отсутствие образа тотальности*, следствием чего становится *ослабленность религиозного момента*: «...пафос духа обращен не на целое, обращен на реальное, на реальную дробность; в ней естественно первое, исключительное место занимает человек» [Там же, с. 361–362].

Список литературы

1. Гессен В. Г. А. Ландау: арест в Риге и смерть на Урале // Лехаим. 2002. № 4.
2. Гессен В. Г. А. Ландау: необходимые уточнения // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3.
3. Ландау Г. А. Сумерки Европы. Берлин, 1923.
4. Ландау Г. А. Эпиграфы. М., 1997.
5. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX—XX веков: в 3 т. СПб., 2007. Т. 2.
6. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.

ИСТОКИ

Повествовательный ландшафт «Повести о Петре и Февронии» во многом условен, что свидетельствует о громаднейшем художественном потенциале данного произведения. Условная простота ситуаций свидетельствует об их смысловом богатстве, она напоминает нам о средневековом символизме с его развернутыми во времени и пространстве смысловыми напластованиями. И вместе с тем отсылает к искусству XX века, в котором возвращение к простоте естественной условности возводится в ранг эксперимента и почти забыто то, что в далекой истории сложения повести о деяниях человека совершенно естественно использовались неписанные законы родового, символического сознания. Может быть, даже законы дологического мышления, когда мысль выражалась в знаках, жестах, а слово только предполагалось...

В. Грешных